

Л. И. КУЛАКОВА

Н. И. НОВИКОВ В ПИСЬМАХ М. Н. МУРАВЬЕВА

Жизнь и творчество Н. И. Новикова еще долгие годы будет привлекать внимание ученых. Но чтобы фундаментальные исследования были полнее и точнее, не стоит оставлять в тени свидетельства современников, дополняющие хотя бы несколькими штрихами образ этого замечательного человека.

Мне уже доводилось писать о влиянии Новикова на молодого М. Н. Муравьева.¹ В данном сообщении хотелось бы остановиться на касающихся Новикова материалах, которые содержатся в уникальном памятнике русской культуры XVIII в. — письмах М. Н. Муравьева. Подготовленные мною к печати в 1949 г., они двадцать лет хранятся в Институте русской литературы Академии наук СССР, доступные лишь узкому кругу людей. А между тем бумаги почти двухсотлетней давности передают атмосферу литературной жизни эпохи, воссоздают ряд литературных портретов; с их страниц встает образ Н. И. Новикова — издателя, организатора, живого человека — такой, каким он представлялся молодому человеку.

30 июля 1777 г. сержант Измайловского полка и молодой поэт Михайла Муравьев вернулся в Петербург из отпуска, проведенного в Твери, где жил его отец Никита Артамонович Муравьев (в ту пору председатель Палаты гражданского суда) с семнадцатилетней дочерью Федосьей Никитичной — Фешинькой, как ласково именует ее брат. Любящий сын и брат дважды в неделю пишет родным письма. Из них мы узнаем, что через несколько дней после приезда М. Муравьев получил приглашение Н. И. Новикова зайти к нему.² «Не знаю для чего», — недоумевает Муравьев, но посыпает узнать, «где стоит» Новиков, и на следующий

¹ См.: Муравьев М. Н. Стихотворения. Л., 1967 (Библиотека поэта. Большая серия), с. 6—7.

² ГИМ, Отдел письменных источников, Собрание Черткова. Письмо М. Н. Муравьева к Н. А. Муравьеву от 7 августа 1777 г. В дальнейшем цитирую письма данного фонда без ссылок, указывая в тексте даты.

день едет к нему. Первый же визит затянулся: «То утро просидел я у Новикова». Еще через день, 10 августа, Муравьев навещает своего давнего знакомого и наставника — маститого поэта М. М. Хераскова.

Новиков и Херасков приглашают молодого человека принять участие в деятельности «некоторого собрания», которое «издавать будет Ежемесячное сочинение, состоящее из переводов, которых вообще материя должна принадлежать или к морали или к истории». Новиков делает конкретное предложение: перевести с латинского «Боэция, консула римского, о утешении философии, сочинение, смешанное со стихами и прозою» (10 августа 1777 г.).

Любопытно, что у Хераскова завязывается разговор о перегулярном выходе в свет «Санкт-Петербургских ученых ведомостей», в которых Муравьев напечатал анонимно несколько стихотворений, и об издателе их: «Издатели их неизвестны и не хотят открыться. Я не спрашивал Новикова, но Херасков говорит, что он отпирается».

Через неделю разговор возвращается к тому же вопросу: «Ученые ведомости все еще не выходят и сим полгодом кончатся. Издатели не сдержали своего слова Миллеру» (17 августа 1777 г.).

Более о «Санкт-Петербургских ученых ведомостях» ничего не говорится. В центре внимания Муравьева и его старших друзей новое издание — «наш журнал», как не без гордости называет его молодой поэт. Круг сотрудников расширяется. «Княжна (Е. В. Урусова, — Л. К.) хочет переводить в наш журнал небольшие отрывки поэм, переведенных на французский с древнего галлического языка в Шотландии. Михайла Матвеевич хочет видеть в них некоторые и моего перевода. В сей журнал я уже зачал первую книгу Боэция о утешении философии по предложению Николая Ивановича Новикова» (25 августа 1777 г.).

Муравьев несколько оптимистически повествует о своих делах. Ни Боэций, ни Оссиап в данный момент его не заинтересовали, ибо, помимо службы, он занят подготовкой сочинения по механике («Письмо о теории движения») и переработкой начатого в 1776 г. сборника стихотворений «Новые лирические опыты».

В октябре таинственный «наш журнал» вышел из печати. «Общество, которое выдает „Утренний свет“, есть то самое, которое меня пригласило, но я немножко заленился. И перевод моей „Первой книги“ не совсем готов», — кается Муравьев (16 октября 1777 г.).

Зато в этот период налаживается интимное общение с Новиковым, к которому Муравьев заходит при первой возможности, иногда обедает, встречается с другими писателями, в частности с Я. Б. Княжниным. Последнее особенно интересно, так как других свидетельств о связи между только что «прощенным» Княжним и Новиковым нет. 25 октября 1777 г. Новиков, Княжнин и Муравьев вместе едут на ужин к Хераскову. По случаю дня рождения хозяина дома собралось человек двадцать пять гостей.

Было весело. Заодно собравшиеся подняли бокалы в честь двадцатилетия Муравьева, также родившегося 25 октября: «Михайло Матвеевич» всем рассказывал, что наши вместе и рождение и именины и оба, говорит, стихотворцы».

Не оставляя мысли о переводе Боец, Новиков, превосходный организатор, решает использовать родственные связи и знакомства Муравьева (как, по-видимому, и других лиц) для распространения «Утреннего света».

«Также, милостивый государь батюшка, просил меня Николай Иванович Новиков переслать к вам несколько объявлений об издании „Утреннего света“, ежемесячного издания, для подписки. Нижайше прошу взять на себя сие попечение, раздать кое-кому, а кто изволит подписатьсь, собрать. Я думаю, будут иные охотники. Особливо намерение издателей для заведения школ для бедных, кажется, может побудить многих. А для вас уже подписался я за три рубля, и дядюшка подписался» (26 октября 1777 г.).

Муравьев редко просил отца о чем-нибудь, тем более так упорно и настойчиво. Только убежденность, рожденная влиянием и обаянием Новикова, заставила его в следующем письме повторить просьбу, а привычное уважение к отцу побудило охарактеризовать ставшего близким человека: «На прошедшей почте послал я к вам объявление о подписке на нынешний журнал. Если вам не трудно, нижайше прошу потрудиться разослать между тверских охотников. Это просьба Николая Ивановича, которым я очень доволен. Он еще более честный и постоянный человек, нежели хороший писатель. И вы отадите ему справедливость, когда изволите разобрать намерение трудов его. Он ко мне ласков и, ежели долго не побываю, неотменно пришлет к себе звать. Молодой человек, который сурьезно старается знать самого себя и основанием сего почитает христианство, которого он ревностный защитник» (30 октября 1777 г.).

Повторяя просьбу, Муравьев сообщает об успехе журнала, издающегося с благотворительной целью, и создает колоритную сценку соревнования петербуржцев: «Здесь в городе все подписываются, и Тверь, я думаю, захочет подражать Петербургу. Благо, что дано средство. Хорошо добро делать из какой бы причины ни было. Хоть для того, что так водится. Некто неизвестный, думают, что Иван Иванович Шувалов, подписал в октябре за один экземпляр 100 руб. Многие по 25. Одному вельможе сказали про подписку этого журналу: „Все подписываются-де“.

— Ну, так и я, да сколько надобно?

— Цена три рубли, но иные подписали из благотворительности пять и десять.

— Ну, так я двадцать пять!

Это Брюс» (2 ноября 1777 г.).

Хорошо знал Новиков привы современников, объявляя в журнале сумму, заплаченную каждым подписчиком.

В результате деятельности Н. А. Муравьева в «Утреннем свете» поименовано немало тверских подписчиков. Сын вербовал их среди петербургских знакомых (А. А. Муравьева, М. А. Муравьев и др.).

Затем для Новикова начались волнения в связи с неисправной работой почты: посланные в Тверь экземпляры журнала попали в Москву, а за неизвестным адресатом вернулись в Петербург. Новиков старается все уладить, хлопочет, а наладив сносную связь, едет в Тверь, чтобы лично поблагодарить Н. А. Муравьева, выяснить степень аккуратности доставки, заодно организовать подписку на следующий год.

«Вы изволили видеть Новикова. По крайней мере он мне клянется от вас. Я бы хотел знать, понравился ли он вам», — тревожился Муравьев в письме от 21 августа 1778 г.

«Я был сегодня и у Новикова. Ты ко мне не пишешь, как он тебе кажется», — повторяет он тот же вопрос сестре.

Ответ, видимо, успокоил Муравьева: Новиков сумел произвести хорошее впечатление, да и «Утренний свет» полюбился тверитянам. Вскоре пришел список подписчиков на следующий год, а еще через несколько дней Муравьев вручил издателю 75 рублей и «прибавление подписавшихся» (16 октября 1778 г.).

Мнение отца и сестры, которых Муравьев безгранично любил и уважал, было важно для него, потому что в 1778 г., как и в предыдущем, он продолжал тянуться к Новикову, часто заходил к нему и по приглашению и по собственному почину, в будни и праздник. И если науке известен Новиков-сатирик, просветитель, издатель, боец, масон, страдалец, то в письмах проступает еще и облик веселого обаятельного человека.

Свое двадцатилетие, как уже говорилось, Муравьев отпраздновал в доме Херасковых, где был вместе с Новиковым. В октябре 1778 г. Херасков был уже в Москве, но «двадцать второй год зачал *я* столько же весело, как двадцать первый. И мечта этого первого дни продолжается еще и теперь. Я его провел у Н. И. Новикова. Мы праздновали рождение Михаила Матвеевича» (30 октября 1778 г.).

Смешно и трогательно кается Муравьев 8 ноября 1778 г. в вине, которая «выходит из обыкновенного»: перепутав вторник с четвергом, он не отправил очередного письма родным. «Чем же я заслужил тогда сие несчастье? Я был столько употреблением дня того доволен». Отказавшись от посещения театра ради того, чтобы павестить большого товарища, он поехал с Васильевского острова на Литейную. Надеясь все-таки почасть на урок танцев, которым их учил известный танцмейстер Т. С. Бубликов, Муравьев торопился домой, да встретившаяся «барыня» задержала, пригласив к себе. «Вот уж сколько потерял я времени. От ней поспешаю на Васильевский остров. Но мимо дому Н. И. Новикова. Не знаю, что побуждает меня к нему зайти. Минута, которую думал я провести у него, нечувствительно задлилась. Я взял

у него свой месяц „Утрен^{него} света“ и, вспомнив, что Микулина просила меня достать ей „Вечера“, прекрасное еженедельное сочинение 1772 году, выпросил их. К дядюшке вхожу тогда, когда выходит Бубликов. Вечер весь занимался чтением „Вечеров“. Те же „Вечера“ все утро» (8 ноября 1778 г.).

Любопытно, конечно, что «Вечера» пользуются успехом через шесть лет после издания, что достать этот анонимный журнал можно у Новикова. Но главное: «Не знаю, что побуждает меня к нему зайти» — явный или скрытый рефрен писем, показывающий чисто человеческое обаяние Новикова. Встречи продолжаются до самого отъезда Новикова в Москву. Муравьев помогает распространять «Утренний свет», заходит просто побеседовать.

В конце 1779 г., когда Новиков уже жил в Москве, Муравьев советовал своему новому знакомому Д. И. Хвостову напечатать комедию «Легковерный» в московской типографии. «Содержатель ее, один из лучших наших писателей и страстный любитель письмен Н. И. Новиков, и здесь будучи, печатал несколько комедий на своем иждивении. Кольми паче теперь?».³

Нельзя не заметить, однако, что при всем уважении к Новикову, готовности выполнить его поручения, Муравьев так и не перевел книги Боэция и в общем не нашел себе места в «Утреннем свете». Нельзя же считать серьезным сотрудничеством публикацию стилизованных под общий тон журнала «Диц для записывания» — имитацию действительных записей Муравьева в дневнике — и стихотворения «Учение природы», которое автор затем переделал, заменив правоучительную концовку иронической.⁴

А между тем в 1777—1780-х гг. Муравьев много писал, именно в этот период нашел свою тропу в поэзии. Но большая часть стихотворений, являвшихся действительно новым словом в русской литературе, осталась в рукописях, известных друзьям поэта: П. А. Львову, И. И. Хемницеру, В. В. Ханыкову и др. Одно из наиболее оригинальных созданий Муравьева «Роща» напечатана в «Опыте трудов Вольного Российского собрания», кое-что попадает в «Академические известия» или «Санкт-Петербургский вестник», в числе издателей которого Муравьев, не обищаясь, называет Я. Б. Княжнина. Из новиковских журналов он явно предпочитает «Утреннему свету» «Модное ежемесячное издание», где помещена одна из первых *pièces fugitives* Муравьева «О милое мечтанье» и посвященный сестре перевод стихотворения Леонара «Буря». Как все это объяснить?

Загадка эта решается в общем без особого труда. Мягкий добросердечный Муравьев всегда оказывал вроде бы пассивное, но упорное сопротивление тому, что не приходилось ему по душе. Близость к Хераскову и Новикову сказалась в постановке Муравьевым морально-этических проблем, и только. Первые беседы

³ ИРЛИ, Рукописный отдел, Архив Д. И. Хвостова, ф. 322, № 59.

⁴ См.: Муравьев М. Н. Стихотворения, с. 185—186 и 313—314.

Новикова, как можно судить по их сердечному тону, по разговорам о самопознании, об истинном христианстве, имели целью, видимо, послужить основанием для еще более откровенных бесед, которые должны были привести Муравьеву к тайнам масонства. Но рационалистическая, в первую очередь «ломоносовская» зауваска оказалась в Муравьеве сильнее, и Новиков, сохранив дружеские отношения с молодым человеком, отступил от задуманного. Масоном Муравьев так и не стал, несмотря на близость к В. И. Майкову, М. М. Хераскову, Н. И. Новикову, прошедшую через всю жизнь дружбу с И. П. Тургеневым. Говорю об этом не в похвалу или порицание, а во имя сохранения исторической истины, которая подчас нарушается исследователями, бездоказательно называющими Муравьева масоном.

Расхождения между Муравьевым и Новиковым намечаются и по собственно литературным вопросам. Как мне уже приходилось говорить, Муравьев написал в 1777 г. стихи на смерть Сумарокова. Одобренные Херасковым, они должны были быть напечатаны в типографии Кадетского корпуса при помощи Новикова: «Ему Тейльс друг».

Новиков действительно хотел помочь автору, но во время чтения стихов, рассказывал Муравьев, «припали нам некоторые рассуждения, которые нас поостановили. В самом деле дано у меня много вольности воображению. Так Новиков хотел, чтобы я ослабил инде выражения свои. Все утро нынче толковали мы: рифмача не скоро приведешь в толк. И я уж *к*е их бросил. Причины Новикова приносят честь его образу мыслей. Он друг точности. Но, может быть, ее требовать строго в стихотворстве и невозможно. Например, он не хотел бы сказать, что Сумароков мудрец, которого мнения были развратны, а жизнь полна соблазнов. Михаил Матвеевич хотел было, чтобы я приехал к нему с первой корректурой...» (30 октября 1777 г.).

Неожиданный переход и выразительное многоточие, которым обрывается рассказ, подчеркивают различие в отношении и к стихотворению, и к самому Сумарокову двух издателей «Утреннего света». Этот эпизод доказывает, что общеизвестное уважение Новикова к Сумарокову сохраняется и в 1777 г., несмотря ни на какие перипетии частной жизни автора «Димитрия Самозванца».

Еще более интересно расхождение писателей различных поколений в отношении к поэзии. Новиков, вслед за Сумароковым, требует точности. Молодой поэт, переходящий в это время на позиции преромантизма, скептически замечает: «...может быть, ее (точности, — Л. К.) требовать строго в стихотворстве и невозможно».

И наконец, возникает вопрос: откуда берется в науке версия, что Новиков передал литературный отдел «Утреннего света» на откуп Хераскову, если он сам продолжал горячо интересоваться литературой?

Тот факт, что Муравьев не стал масоном и не принял поэтических принципов Новикова, не умаляет меры восхищения юноши нравственным обликом издателя «Утреннего света», что находит отражение не только в письмах, но и в дневниковых записях.⁵

В отрывках из дневников, вошедших в трехтомное собрание сочинений Муравьева, неизвестно почему названное полным, имя Новикова сохранено лишь в одной из записей: «Вчера рассматривал я свои старые бумаги...». «Если я знаю, что такое острумие, возвышенные понятия, благородство чувствований, твердость рассуждения, то все это не из себя извлекаю. Зрелище мира доставляет мне сие счастье. Все сии качества известны мне потому, что я знал батюшку, сестру, несколько писателей, в моей молодости прочтенных, Майкова, Львова, Ханыкова, Хераскова, Дьякова, Новикова, Муравьева».⁶

Эти имена повторяются, но при подготовке тома к печати имя Новикова тщательно вычеркивалось, хотя оно встречается часто, в том числе на той же странице.

Оно вычеркнуто из отрывка 1779 г. «О юноша! ты устремляешься всесчасно за удовольствием», напечатанном на 287 странице. Здесь из людей, благотворивших молодому поэту, остались отец и сестра, Майков, Херасков, Львов, но исключены названные ниже Барсов и Новиков.

В отрывке «Кто у меня отнимет чувствования любви...»⁷ названы Херасков, Львов, Ханыков, Майков, Барсов, по изъят такой характерный пассаж: «Почитать своего командира есть страх, есть рабство, по большей части принужденное исполнение обязанности, соглашения между людьми. Но почитать доброго мудрого Новикова, Хераскова, чувствительного моего родителя, мою сестру есть свидетельство доброты моего сердца».⁸

Данный отрывок мог показаться крамольным вообще, но кому мешало имя Новикова в XIX в., когда подготавливались к печати сочинения Муравьева, не знаю. Только количество аналогичных примеров можно увеличить.

В бумагах Муравьева сохранились перечни созданных им стихотворений, сделанные, видимо, тогда, когда он думал об их издании. Датированное 1783 г. «Послание к Новикову» исчезло из архива.

Последняя известная мне запись с упоминанием Новикова сделана в 1803 г. и связана с размышлениями о деятельности Московского университета: «Изыскания древностей российских привлекали к себе некоторое время внимание публики. Можно после Миллера с честью упомянуть Шлецера, Стриттера и Нови-

⁵ Дневники М. Н. Муравьева хранятся в Рукописном отделении ГПБ, фонд 499.

⁶ Полн. собр. соч. Михаила Никитича Муравьева. СПб., 1820, ч. 3, с. 285.

⁷ Там же, с. 304—305.

⁸ ГПБ, ф. 499, ед. хр. XXII.

кова, который послужил бы более отечеству, оставшись в пределах учения древностей его. „Вивлиофика“ есть национальное сокровище, из которого любопытные немцы будут когда-нибудь черпать».⁹

Со времени, когда Новиков впервые пригласил к себе Муравьевса, прошло двадцать шесть лет. Юный восторженный поэт, сержант Измайловского полка, стал умудренным мужем, попечителем Московского университета. И запись эта готовилась если не для печати, то для речи. Теперь уже Муравьев откровенно противопоставляет Новикова-издателя Новикову-масону. Но едва ли в начале XIX в. было много людей, относившихся к «Древней российской вивлиофика» как национальному сокровищу.

Данная статья посвящена Н. И. Новикову. Но в заключение следует сказать, что письма Муравьевса позволяют увидеть быт, литературную и театральную жизнь конца 1770-х—начала 1780-х годов, уточняют ряд фактов, касающихся многих и многих писателей XVIII в., воссоздают культурную атмосферу эпохи. Они интересны для историков, литературоведов, театролов. Их нужно печатать, и печатать вместе с выдержками из дневников. Слово за Академией наук.

⁹ ГПБ, ф. 489, ед. хр. XXI, л. 1.